

Кира Османова — филолог, поэт, переводчик, критик, преподаватель высшей школы. Член Союза писателей России. Член Союза переводчиков России. Живёт в Санкт-Петербурге. Работает на кафедре зарубежной литературы РГПУ им. А. И. Герцена. Автор книг стихотворений «Имя «Оба» (Санкт-Петербург, 2011), «Нет синонима» (Москва, 2021). Автор публикаций в периодических изданиях «Звезда», «Зинзивер», «Новая юность», «Prosōdia», «Урал», а также «Аврора», «Наш современник», «Семь искусств» и др.

Кира Османова **г. Санкт-Петербург**

Мы будем сидеть на заброшенной лодке,
Не сдвинемся с места, как будто бы к днищу
Прилеплены.
Смотреть, как деревья друг друга не ищут,
Какие у наших детей подбородки —
Рельефные.

Мы будем грустить, неизбежно и честно,
Что стать ни отцом безупречно не вышло,
Ни матерью.
Мы будем дышать, как охотники дышат,
И слушать скрип досок, стволов и качелей
Внимательно.

Мы станем одно самородное тело,
Что будет со временем мхом и травой

Украшено.
И ветер над лодкой надсадно завоет,
И дети нам крикнут: «Куда же вы делись?».
Куда же мы.

Вот такое пространство: редкая суша,
В основном же – повсюду стоит вода.
Закричать бы, да горло сделалось уже,
Убежать бы, да как – по воде, куда.

Иногда заплывут случайные лодки,
Но пока осмелеешь – их след простыл.
Горизонт прорисован линией плотной,
И маршруты к нему, как всегда, – просты,

И к нему устремились вечные струи.
Только солнце не выглянет ни на миг.
Не случилось оставить местность сырую,
Не пришлось тосковать о себе самих.

И догадка мелькнёт, что эта промозглость
Есть одна из причин изменений тел:
Кто себя ощущал сонливым, громоздким –
Тот становится странным: насквозь «не тем».

На каком берегу бы мы ни лежали –
Так похожи на чудищ из старых книг:
У меня под одеждой выросли жабры,
У тебя, полагаю, растёт плавник.

Мы тихонько сползаем к кромке безвестной,
Всё ловчей и свободней за разом раз.
Это место такое, гиблое место,
Все здесь сгинут, как водится, – кроме нас.

Просто мысль о том, что не вышло взлететь высоко
(Тривиальность правды; кто же тебе помешал?),
Возникает так неожиданно; самоукоп
До того тревожит — хохлится тотчас душа.

И ныряешь в эти сыпучие дни, как в песок,
И по-птичьи тщишься вычистить ими себе
Оболочку. Кажется, стал и клюваст, и весóm,
Распушился, ишь ты, важный какой воробей.

А внутри свербит-свиристит: «Высота, да не та!»
Выносить себя... чем дальше – тем точно больней.
Но упрямо ищешь одну ключевую деталь –
Вот она-то жизнь твою оправдает вполне.

Никогда в изящных искусствах детали не врут.
Драгоценный росчерк (он незаметен порой):
Так, прозрачным сам залюбуешься воздухом вдруг
И парящим в нём легко воробьиным пером.

Вот, наконец, настанет день искомый –
На представленья и забавы щедр.
Вдруг в городе услышишь птичий гомон,
Казалось бы — откуда он вообще?

Экспромт, опровергающий рутину, –
Довольно выразительный приём.
«Довольно выразитель...». Как противна
Теперь такая речь – она о чём?

Зачем впустую умничать, зачем мне
Хотеть недостижимых высот
И беспрестанно нагружать значеньем
Любой обыкновенный эпизод?

Ведь, может, я задуман как беспечный
Нестрогий зритель – только и всего.
Какой-то рядом человек щебечет,
А я стою – и слушаю его.

Теснятся книги – те, что помнишь с детства,
У самых старых – корешки проклеены.
Но шкаф закрыт на ключ, который где-то,
Бог знает, а искать – жалеешь времени.

Я так живу сейчас: и скорость – выше,
И каждая минута – невозвратная.
Я ничего из прошлого не вижу,
И этому, скорее, даже радуюсь.

Ни одному сегодняшнему делу
Я в дне вчерашнем не ищу аналога.
И если бы я в спешке налетела
На прежнюю себя-то не узнала бы.

Я стала предприимчивой и шустрой,
И то, в чём есть нужда, – теперь беру себе.
Но иногда охватывает чувство,
Как будто настоящее – иллюзия,

Как будто передышка вдруг случится:
В окно посмотришь в перерыв обеденный –
А по траве вышагивает птица
Из детской – под замком – энциклопедии.

Растерянный, уставший до предела,
Не попадаешь в повседневный ритм.
А этот город без предупрежденья
Через тебя свободно говорит.

Вдруг выросшие башни-великаны:
Глядишь на них – и чувствуешь родство,
Как будто сам – бессменно вертикальный,
Как будто сам – до странности – не свой,

Негабаритный, неуместный явно,
Из фантазмагорического сна.
С самим собой столкнёшься на стоянке –
И дальше пошагаешь, не признав.

Ты от себя давно куда-то делся.
А всё же думать станешь по пути,
Что столько было планов, самых дерзких,
Однако, не сработал ни один;

И что необретённые умения
Обретенны не будут никогда:
Играть на музыкальном инструменте,
Печь пряничные чудо-города,

Косить траву чудовищем железным,
Играючи. Но ты уже без сил,
И в мóроке, что кажется болезнью,
Садись в подмигнувшее такси.

Вот ты, кого без памяти любили,
Сейчас один, не свыкнешься никак,
И видишь сквозь стекло автомобиля
Фрагмент из сна, последний кинокадр:

Газон, как перестеленная скатерть,
Кафе-киоск, как пряник расписной,
И незнакомец – тот, на самокате –
С чехлом виолончельным за спиной.

Не тяжело, не страшно,
Так далеко от всех.
Ты – смотровая башня.
Я прохожу наверх.

Вид предстаёт такой, что
Еле удержишь вскрик.
Сердцем, гусиной кожей
Чувствуешь: Бог – открыт.

Не открывался раньше
Мне он в иных местах:
Только у этой башни –
Верная высота.

Это не исступленье,
Это и не покой.
Каждое углубленье,
Каждый прекрасный холм,

Светлых полей просторы,
Дом, где трещал пожар,
Кладбище, на котором
Буду потом лежать,

Умных деревьев кроны,
Камень, что крепко спит,
Трубы, мансарды, кровли,
Посеребрённый шпиль...

Кто-то внизу вдруг скажет:
«Всё. Визитёров нет».
Там запирают башню.
Я остаюсь на ней.

Солнце бросает щепки
На дорожку в зябнущем садике.
Вот оно – ощущение,
Что тебя простят обязательно.

Строго наказан вправду,
Потому как было и есть за что.
Там, за кустами, – грабли,
И секатор спрятан под ветошью.

Божии инструменты –
Для особых замыслов Божиих.
Было дурное лето,
Но какая осень хорошая!

Листьев любовный шелест,
Гладь воды, как старое зеркало.
Господи, неужели,
Неужели больше не сердисься?